

Семен Грила

Мавзолей-2

**Фантастическая драма режимов и
алгоритмов в пяти частях**

Часть 4

Первая половина XIX века полна сюрпризов и сенсаций. Тайные общества, проекты реформ, слабость власти и сильные личности. Расцветает поэзия, процветают салоны. Жизнь бьет ключом, и власть едва-едва успевает попадать в такт. Но попав, дальше уже – сама-сама.

Действующие лица

Александр I

Николай I

Уваров

Константин, вел. кн.

Пушкин

Бенкендорф

Сперанский

Аракчеев

Нарышкина

Трубецкой

Рылеев

Пестель

Муравьёв

Талейран

Ленин

Действие первое

Сцена первая

Кабинет Александра в Царскосельском дворце. Царь не в духе. Входит Сперанский.

Царь. Миша, давайте, наконец, разберемся, что у нас происходит. Я завален вашими записками о реформах, я со многими вашими идеями согласен. Но! Я также получаю записки Аракчеева и Бенкендорфа, где один и другой пугают меня последствиями ваших предложений. Если их реализовывать.

Сперанский. Ваше Величество, вы же понимаете суть наших расхождений. Они носят принципиальный характер. То, чего хотят эти господа, хорошо понятно. Тотального контроля и тотального надзора. И это совсем не одно и то же. Они разные, но об одном и том же.

Царь. Так что прикажете делать, Миша?

Сперанский. Пусть всё идет, как идет, а там посмотрим.

Царь. Только недолго.

Сперанский. У нас много времени и нет. Власть неустойчива, и все это видят. Либо сторонники, либо давление.

Царь. Ну что поделаешь, придется выбирать.

Сперанский. Придется.

Царь. Ладно, ступайте пока, боритесь за всё это.

Александр небрежно поддевает стопку бумаг, они разлетаются по столу. Александр смотрит с отвращением. Сперанский уходит.

Сцена вторая

Салон Зинаиды Волконской. Дым коромыслом. Шум и гам. Маскарад. Пушкин нарядился Пушкиным, а все принимают его за Онегина. Очень смешно.

Уваров (*подходит к Пушкину*). Ваши стихи у всех на устах, не только у дам. (*Смеется.*)

Пушкин. Двор меня не любит.

Уваров. Двор вас обожает. Особенно теперь. Когда ему нужна любовь общества. А общество – это вы. Значит, двору нужна ваша любовь. Видите, как всё просто.

Пушкин. Вас послушать, так у меня и проблем нет.

Уваров. Конечно, есть. Деньги, например.

Пушкин. Да. Деньги – да.

Уваров. И тут нам с вами по пути.

Пушкин. Как это?

Уваров. Побольше внимания к самодержавию как народности. Воплощение народности есть самодержавие.

Пушкин. Ну вы и жук. Я-то думал, изворотливее меня нет никого на Руси. А тут вы. Тонкий-тонкий.

Уваров. Да ладно, скажете тоже. Полно.

Пушкин (*приплясывая*). Да-да.

Уваров. И вот еще что: вы как-то повнимательнее с тайными обществами. Да-да, читал я. Их используют. Они как дети. И допользуют до конца.

Пушкин перестал приплясывать.

Уваров (*оборачивается к кому-то, поднимает руку*). Голубчик, как давно я вас не видел!

Уходит. Пушкин смотрит ему в спину.

Сцена третья

Прием у великого князя. То ли родился кто-то, то ли женился, то ли юбилей. Весь двор тут. Разбрелись по саду. По аллее идут двое. Разговаривают.

Талейран. Граф, вы очень всё правильно говорите. Учтите только, что слабость режима слаба до определенной границы, потом следует выбор.

Бенкендорф. Вы считаете, что надо действовать как-то иначе?

Талейран. Я не знаю ничего про то, как вы действуете, я лишь хочу, чтобы вы понимали: эта нынешняя неустойчивость двора Александра влияет на всю европейскую политику. И наоборот.

Бенкендорф. Вы считаете, что надо дать случиться тому, что должно?

Талейран. Я не считаю, я лишь пытаюсь сказать, что время свалки под ковром наступает, и вы не должны стоять в стороне.

Бенкендорф. Отпустить?

Талейран (*пожимая плечами*). Излишняя борьба с вредителями приводит к несварению желудка.

Бенкендорф. Быть рядом?

Талейран. Идеальная позиция. Удержите режим.

Бенкендорф. Вы слишком опытни.

Талейран (*поднимает бровь*). Слишком?

Аллея заканчивается фонтаном. Они расходятся.

Сцена четвертая

Кабинет Александра I. Аракчеев доложил о состоянии дел.

Царь. А что у вас со Сперанским? Почему не можете вместе работать?

Аракчеев. Он желает невозможного.

Царь. Я приказывал вам учитывать его рекомендации.

Аракчеев. Они противоречат устоям.

Царь. Каким устоям?

Аракчеев. Вашей власти. Он пытается создавать зоны, где допускается выбор, а этого быть не должно. Есть приказ – и всё.

Царь. А как же свободное творчество масс?

Аракчеев. Эти слова появятся не скоро. Откуда вы их взяли, если позволено будет спросить?

Царь. Да вот просто оказались на языке. А что не так? Это же здорово бы было, если бы общество само...

Аракчеев. Этак вы империю развалите.

Царь. Занесло меня, похоже.

Аракчеев. Нет. Вы просто позволили себе фантазию, чтобы убедиться, куда она приведет, и посмотреть, как реагируют на нее ваши верные слуги.

Царь. Да, и я убедился, что вы не дрогнете.

Аракчеев. Никогда, Ваше Величество.

Царь. Ну хорошо, ступайте.

Аракчеев уходит. Александр запускает вдогонку нож для резки бумаг.

Сцена пятая

Салон Нарышкиной. Кто-то декламирует стихи, кто-то за кем-то волочится, кто-то пьет, кто-то третирует слуг. В глубине сидит Нарышкина, возле нее Уваров. Разговаривают.

Уваров. Вы, мне кажется, слишком эмоционально реагируете на некоторую расфокусировку институтов. Да, возможно, жандармы увлекаются. Да, Сперанский требует невозможного. Возможно, Аракчеев слишком ревностно понимает необходимое. Но это же Россия, и все само образуется.

Нарышкина (*задумчиво*). Вы полагаете?

Уваров. Ну конечно.

Нарышкина. Государь так устал от непрерывных забот. Столько выпало на его царствование, а хочется ведь и отдохнуть.

Уваров. Понимаю и повторяю: все образуется. Вы вот Трубецкого пореже принимайте, и все еще лучше пойдет.

Нарышкина. Вы думаете?

Уваров. Вы дарите офицерам надежду, а это лишнее. Они воспринимают все это слишком горячо.

Нарышкина. Но я же не...

Уваров (*перебивает*). Ни в коем случае.

Нарышкина. Я всегда в вас уверена, граф.

Уваров. А я всегда у ваших ног.

Действие второе

Сцена первая

Варшава. Территория дворца великого князя Константина. На аллее парка великий князь и Аракчеев.

Константин. Вы, граф, должны понять, что государство не нуждается в вас. Это вы нуждаетесь в нем.

Аракчеев. Я служу.

Константин. К чему тогда вопросы. Император колеблется? Не давайте ему колебаться. Вы зачем еще нужны? Государство должно управляться. Строиться и подчиняться. Это понятно?

Аракчеев. Так точно!

Константин. Убирайте от него этого прощелыгу Сперанского. Бенкендорфа слушайте больше, но не верьте. Он вас еще удивит. Но он служака. Отчаянный. Люблю таких. Кого мы забыли? Уварова. Эта сука всех переживет. Если проиграете, то ему в первую очередь.

Аракчеев. Понял, Ваше Высочество.

Константин. Европа смотрит. Европа видит. Продемонстрируйте Европе стальные мускулы приказа. Плац – это наше всё. На плацу всё видно и всё показательно.

Аракчеев что-то пытается сказать, но Константин не слушает.

Константин. Ступайте и помните: не допускать неисполнения приказа. Давить, давить и давить.

Аракчеев кланяется и пятится. Константин скрывается во дворце.

Сцена вторая

Сперанский и Трубецкой. Случайный разговор на похоронах княгини Н. Дождь, все устали и промокли. Вернулись в дом. Им налили по рюмке водки. Посадили поближе к камину. Разговор продолжается, очевидно, тот, который начали, столкнувшись еще перед домом.

Сперанский. Ну помилуйте, князь, ну зачем же все время подставлять голову на плаху. Мы же цивилизованные люди и хотим жить в стране, где закон решает, а не прыть чья-то или прихоть. Ну право.

Трубецкой. Вы как бы правильно всё говорите, но, поверьте, ваш эпистолярный угар так же обречен, как и моя горячая преданность государю. Быть полезным бесполезно. Вы можете это понять?

Сперанский. Я понять-то могу что угодно. Но публичная политика невозможна при наших режимах. Народ беспросветно отстранен, а знать наша развращена и ленива. Вы это не хуже меня знаете. Вы эту спящую кобылу не натываете. Она толстокожая слишком.

Оба хохочут.

Трубецкой. Может, еще по одной?

Сперанский. Черт с вами, давайте!

Трубецкой машет рукой. Приносят еще водки.

Сперанский (*осторожно смотрит на Трубецкого*). А то простудимся, не приведи бог.

Трубецкой. Главное – не на виселице.

Сперанский. Ну что за юмор!

Трубецкой. Вам видней. Еще не спустили в уборную ваши проекты?

Сперанский насупился и промолчал.

Трубецкой. Не сердитесь!

Сперанский. Трудности есть, но я справлюсь.

Трубецкой. Было бы неплохо.

Сперанский. Да хорошо будет. Особенно если вы не будете проявлять ослиное упрямство.

Трубецкой. Мы не упрямые. Мы честные и гордые. Всего-навсего. И Аракчеев нам не нравится.

Сперанский (*тихо*). А кому он нравится?

Входит Бенкендорф. Собеседники замолкают и смотрят в камин.

Бенкендорф. Заговоры?

Сперанский. Помилуйте!

Трубецкой (*выпятив челюсть*). Все может быть.

Сперанский (*смеясь*). Не слушайте его.

Бенкендорф. Я всех слушаю.

Все молчат. Трубецкой уходит. Сперанский и Бенкендорф смотрят друг на друга.

Бенкендорф. Мы разве враги?

Сперанский. Отнюдь.

Бенкендорф. Так в чем же дело?

Сперанский (*улыбаясь одними губами*). Водка кончилась.

Бенкендорф. Помилуйте, так не бывает.

Сперанский отворачивается, Бенкендорф уходит.

Сцена третья

Кабинет в мавзолее. Телеурок для пионеров. Ленин рассказывает о так называемых декабристах.

Ленин. В чем принципиальная ошибка руководителей данного мероприятия? В полнейшем непонимании функционирования государства. Его машины. Самой системы. Вместо того чтобы выходить на площадь и демонстрировать свою отвагу и глупость, следовало захватить узловые вещи. Прежде всего – царский дворец, Генеральный штаб и пороховые склады. Тем самым обеспечивая себе хорошую переговорную позицию. И заложников, побольше заложников из числа знатных людей, двора и так далее.

Далее: мотивация солдат – отдать им город на разграбление. Да-да, пусть пограбят, тогда власть будет посговорчивее. И так до тех пор, пока сами не станут властью. А что мы видим в исторических описаниях – обращение к наследнику, к Константину? Нищета мысли при гордыне непомерной и демотивированных подчиненных. А неявка Трубецкого? Вообще нелепый случай. Диктатор не явился. Вы слышали что-нибудь подобное?

Ленин, развеселившись, идет вприсядку по комнате. Оператор отключает трансляцию. Учителя переключают внимание пионеров на себя. Вожатые наводят порядок. Объясняя срыв трансляции перегруженностью графика вождя.

Сцена четвертая

Аракчеев и Уваров. На охоте. Трудно представить такое, но ведь было. Утки, утро, тишина. А потом стрельба, лай собак. А уже затем – посиделки. И вот они сидят – и едят что-то и пьют что-то.

Аракчеев. Ты понимаешь, граф, если будет Константин, я тоже буду, а если будет Николай, то меня не будет.

Уваров. Почему? Ты сам режим.

Аракчеев. Сейчас я администратор, и при Константине я администратор. А при Николае? При Николае он сам администратор. Смекаешь? Все то же самое, но без меня.

Уваров. Трудно тебе.

Аракчеев. А тебе вот бояться нечего. Тебе все равно. Ты – смазка режима. Всегда нужен. Объяснить. Стереть. Написать по новой. Стравить. Развести. Довести до финиша. Хорошо тебе.

Уваров. Ну не утрируй. Тоже, знаешь, потею.

Аракчеев. Не прибедняйся. Вы со Сперанским пара. Но ты выживешь – и его выживешь. Понимаешь? *(Смеется.)*

Уваров. Не знал, что ты такой тонкий, господин министр.

Аракчеев. Всё, разлюбил меня?

Уваров. А что – любил?

Аракчеев. Мне казалось, мы нужны друг другу.

Уваров. Извини, мне бы себя дотащить. Тебя, боюсь, не потяну.

Аракчеев. От тебя много и не требуется.

Уваров. Чего ты хочешь?

Аракчеев. Не вреди.

Уваров. И все? *(Смеется.)* Договорились. Не буду.

Аракчеев. Ну вот и ладушки

Действие третье

Сцена первая

Царское Село. Екатерининский дворец. Александр и Константин гуляют по парку.

Александр. Я хочу, чтобы ты отрекся в пользу Николая.

Константин. С какого перепугу? А ты куда собрался?

Александр. Ну, это же на всякий случай, чтобы все было в порядке, если что. Не дай бог неразбериха. Ты же знаешь, как все сейчас напряжено. Общество беспокойно. Доклады разные получаю. Да и ты, наверное, тоже. Да?

Константин. Это понятно. Но почему я должен отречься? Объясни хотя бы.

Александр. Охотно, дорогой брат. Ты отличный служака и вояка, и все прочие достоинства при тебе. Но ты груб и несдержан. Неспособен управлять ровно и давить равномерно. Режим же требует именно такого. Наше общество, наш народ к другому не готов. Я пробовал. Не получается.

Константин. Но я бы Аракчеева твоего оставил – и вся недолга.

Александр. Вот в этом и дело. Тебе нужен костыль, а Николаю – нет. Он сам Аракчеев. Понимаешь?

Константин. Чего тут сложного. Тогда Польша остается за мной.

Александр. Разумеется. И моя большая благодарность.

Смеются, обнимаются и продолжают гулять.

Сцена вторая

Салон Зинаиды Волконской. Пушкин и Бенкендорф. Стоят у окна и разглядывают проезжающие экипажи. Попадаются симпатичные. Тогда сыплются колкости.

Бенкендорф. Ну да бог с ними. «Онегин» ваш великолепен, однако ж есть вольности всякие там у вас. Высказывания разные. Надо бы, друг мой, помягче как-то.

Пушкин. Так я только начал, это черновик еще. Первая глава. Где вы ее взяли?

Бенкендорф смотрит на него молча.

Пушкин (*смущенно*). Да, понятно. Ну редактирую-редактирую, это, знаете ли, только первые круги.

Бенкендорф. А что ваши друзья? Всё озоруют?

Пушкин. У меня таких нет. Я с серьезными дружу.

Бенкендорф. Я понимаю. И все-таки – мне надо чего-то опасаться?

Пушкин (*отводя глаза*). Я так не думаю, граф. Они слишком честные и гордые, чтобы устроить что-то достойное ваших опасений.

Бенкендорф. Вы их, возможно, недооцениваете.

Пушкин. Да нет, граф, я их оцениваю вполне. Вы же читали мои вещи. Они о многом говорят.

Бенкендорф. Я ваш поклонник. И мой совет вам: будьте благоразумней, держитесь в стороне.

Пушкин. Постараюсь.

Бенкендорф. И к текстам относитесь без пренебрежения.

Пушкин. А вот, кстати, занятный экипаж. Не правда ли, граф?

Бенкендорф. Действительно, смешной, какой-то куцый.

Продолжают таращиться в окно.

Сцена третья

Квартира где-то на Мойке. Совещание членов тайного общества. Решающая ночь перед событием.

Трубецкой. Все-таки давайте еще раз определим окончательно, чего мы хотим добиться.

Рылеев. Как чего? Все же написано в наших документах, приготовленных для Сената.

Трубецкой. Но не кажется ли вам все это нереальным? Надо ставить какие-то достижимые цели.

Пестель. Тебе кажется, что мы не добьемся своего?

Трубецкой. А ты считаешь иначе?

Пестель. Я считаю, надо действовать, а там как фишка ляжет.

Муравьёв. Сомнения лишь ухудшают наши позиции. Давайте прекратим эти словесные упражнения и выйдем завтра, как договорились. И будь что будет – я согласен с Пестелем.

Рылеев. И ты, князь, поведешь нас. Мы выбрали тебя диктатором восстания.

Трубецкой. Самого сомневающегося? Лихо.

Рылеев Склад уже горит, бежать можно только вперед.

Все смеются.

Сцена четвертая

Трубецкой и Уваров. Также ночь. Где-то в карете.

Трубецкой. Остановить не получается. Завтра мы выйдем.

Уваров. Ну попытаться-то можно было.

Трубецкой. Я и пытался.

Уваров. Вы, князь, завтра не ходите.

Трубецкой. Как я могу! Они мои товарищи.

Уваров. Сможете-сможете.

Сцена пятая

Эта же ночь. Уваров и Аракчеев в министерстве.

Уваров. Не спится?

Аракчеев. Как и вам, я вижу.

Уваров. Вы их не остановите? Всем всё известно.

Аракчеев. Ну прямо всем и всё.

Уваров. Константин отрекся, вы за Константина, восстание вам на руку, отречение Николая сделает вас временным управляющим империей.

Аракчеев. Да ладно. Почему меня? Царский род бесконечен, и наследников не пересчитать.

Уваров. Не считая романтиков и лириков, только вам это всё выгодно.

Аракчеев. Ой ли, а вы? А Сперанский? Ведь говорят, это он все придумал. Вдохновлял Александра на реформы. Создал атмосферу надежды и ожидания перемен.

Уваров. Вы умный подонок. Впрочем, как и я. Посмотрим, что получится. Ночь будет длинная, не на один год.

Аракчеев. Будьте осторожны, граф, вы слишком гибкий.

Уваров. А вы слишком жесткий.

Уваров уходит. Аракчеев с досадой бьет себя рукой по колену.

Сцена шестая

Молебен в честь Александра I. Адъютант усопшего царя подходит к великому князю Николаю и передает ему конверт. Николай вопросительно смотрит.

Адъютант. Последняя воля государя.

Николай берет конверт и отходит в боковой проход. Вскрывает конверт. Читает:

«Дорогой брат! Тебе предстоит провести державу через короткую и нестрашную бурю. Воспользуйся ею, чтобы восполнить пробелы в работе государства, которые возникли из-за моих колебаний при выборе пути. Теперь я вижу их хорошо. Пена вышла наружу, и тебе будет легко справиться с осушением маленького болотца в столицах. Офицеры немного зарвались и покажут себя в момент перехода.

Не бойся и будь тверд. Доверяй Бенкендорфу. Гони Аракчеева. Дай волю Уварову. Сперанский подстроится сам. И в дальний путь!

Александр

P. S. Да, чуть не забыл. Тебе передадут отречение Константина. На него много рыбы поймаеть».

Николай вложил письмо в конверт. Поцеловал конверт. Обернулся. Все тот же адъютант, стоящий прямо за ним, отдал честь, развернулся и ушел. Николай был и растерян и собран одновременно. Это когда все видно, но все не в фокусе. Он стоял и смотрел. Пока не появилась резкость.

Действие четвертое

Все случилось. Одни вышли, другие не вышли, а третьи оказались надежными опорами режима. В целом все прошло, как и мыслилось теми, кто это задумывал. Событие отразилось долгим эхом в стране. Стало эпосом. Апокрифом и сказаниями. Теперь главным для всех участников было зафиксировать прибыль или убытки. Одни боролись за повышение по службе, другие – за жизнь. Скучно не было. Никому, кроме Сперанского, наверное. Впрочем, и ему тоже надо было бороться, и он боролся.

Сцена первая

Салон Зинаиды Волконской. Гости стараются не шуметь.

Пушкин (*Уварову*). Граф, но ведь можно же простить, помиловать. Ну с кем не бывает, право. Молодые, горячие.

Уваров. Молчали бы лучше. Не лезьте вы в это дело. Вы и так недалеко. Того и гляди поволокут в комиссию.

Пушкин. Ну не могу же я вот так.

Уваров. Можете. Конечно, можете.

Пушкин. Ну помилуйте, я писать не смогу.

Уваров. Сможете. Конечно, сможете. К лету уже все наладится. Поезжайте в деревню. А там осень. А осень – она для поэтов.

Пушкин. Я не певец самодержавия.

Уваров. А кто вы?

Пушкин. Я поэт.

Уваров. Вы камер-юнкер.

Пушкин. Вы мертвого достанете.

Уваров. Мертвый даже лучше живого. Старое можно отредактировать без авторских «не трогайте». Кругом одна польза.

Пушкин. Вы страшнее Бенкендорфа.

Уваров. Бенкендорф очень хорош.

Пушкин. Да уж почище вас.

Уваров. Вот и отлично. Пусть он вас и перлюстрирует.

Пушкин. Я не смирюсь с цензурой.

Уваров. Это как вам будет угодно.

Граф отходит. Пушкин кипит, но быстро переключается на хорошенькую барышню, появившуюся из прихожей.

Сцена вторая

Работа комиссии по делу о событиях на Сенатской площади.
Николай I, Бенкендорф и Трубецкой.

Николай. Итак, князь, чего вы хотели добиться?

Трубецкой. Мы хотели привлечь внимание к необходимости реформ – таких как отмена крепостного права, допуск граждан к участию в управлении, ну и много чего еще.

Николай. Да, это мы читали. То есть вы хотите сказать, что возможно с помощью демонстраций, таких как ваша, превратить человека в личность?

Трубецкой. А как еще?

Николай. Так вот это и есть ваше главное заблуждение. Вы считаете, что им это надо, потому что это надо вам. Но им то, что надо вам, совсем не надо.

Бенкендорф. Князь, как вы не можете понять, что нельзя ложно возбуждать толпу. Это чревато для режима и для вас в том числе. Толпа растерзает любого. Вы читали истории о французской революции? Конечно, читали, иначе откуда это всё.

Николай. А выводов не сделали. Ладно. Какую роль играл в ваших делах Аракчеев?

Трубецкой. Мы незнакомы.

Николай. Я не спрашиваю, знакомы вы или нет.

Трубецкой. Ваше Величество, я не знаю об этом ничего. Буквально.

Николай. Мне не нужна правда, мне нужен правильный ответ. Подумайте, князь, о своем будущем.

Трубецкой. Могу лишь повторить, Ваше Величество, что я не знаю, есть ли связь между Аракчеевым и членами нашего общества. За всем не уследишь.

Николай. А что скажете про Сперанского? Тоже из ваших? Братались с ним?

Трубецкой. Некоторые полагали его как временного правителя. В случае успеха восстания.

Николай. Вот даже как. Аракчеева, значит, выгораживаете. Как интересно. А кто убил его сожительницу?

Трубецкой. Первый раз слышу.

Николай звонит в колокольчик, входит офицер.

Николай. Уведите.

Трубецкого уводят.

Николай. Вы в это верите?

Бенкендорф. Нет, конечно.

Николай. Но поворот интересный.

Сцена третья

Сперанский и Уваров между заседаниями комиссии беседуют в буфете.

Уваров. Вас невозможно поймать: домой приедешь – вас нет, в присутствие – вас нет. Что происходит?

Сперанский. Очень много работы по расследованию. На мне составление итогового доклада императору.

Уваров. Замаливаете грехи?

Сперанский. На мне нет их. Но будут, конечно, теперь.

Уваров. Да уж. Слышали про Аракчеева?

Сперанский. Отставка и ссылка. Да, слышал, конечно. Жалко его. Путевый управленец, без воображения. Не упругий.

Уваров. Как это вы хорошо сказали – «не упругий». Очень точно. Что дальше?

Сперанский. Дальше приговор и долгий шлейф. Ну да вам работы много будет. Консолидация общества. Народа. Всё – в монархе. Одна личность на всех. Единый и неделимый.

Уваров. Позвольте я запишу.

Сперанский. Запишите-запишите. Наверняка всё перепутаете, ну так это, может, и к лучшему.

Сцена четвертая

Кабинет Николая в Зимнем дворце. В кабинете сам Николай, Бенкендорф и Сперанский. Входит Уваров.

Николай. Входите, граф. Мы вас ждем. За вами поздно послали?

Уваров. Дорога как-то не сложилась быстро, прошу прощения, Ваше Величество.

Николай. Я собрал вас для того, чтобы подвести некую черту и обозначить перспективы и ваши роли в них. Вы, Бенкендорф, – тайная полиция. Набирайте людей сколько надо, в бюджете не мелочитесь. Сперанский, вы разберитесь со всеми законами и прочими нашими официальными установлениями. Давайте сделаем систему из всех этих куч перлов и недомыслия. Ну а вы, Уваров, создайте миф для народа. Образование и наука должны двигать страну вперед. Но правильное образование. Слышите? Да, и еще творческие люди. Опасные. Тут не вы. Тут Бенкендорф. Все ясно?

Бенкендорф молча кивает. Глядя на него, кивают и остальные.

Николай. Через неделю жду вас с планами. Более не задерживаю. Трудитесь.

Сцена пятая

Пестель и Рылеев в камере смертников.

Пестель. Ну и чего мы добились?

Рылеев. Практически всего, чего хотели. Власть напугана. Склонна к систематическим репрессиям и потаканию для избранных.

Пестель. И?

Рылеев. Мы двинули ход истории, ускорили, как смогли. И нас не забудут.

Пестель. Полагаешь?

Рылеев. Уверен. И главное – пойми, лучшего результата и быть не могло.

Пестель. Но нас же попользовали.

Рылеев. Ну конечно. Но они нас – на минутку, а мы их – навсегда. Государство, режим или как хочешь всё это называй – машина управления никогда не будет прежней после нас.

Пестель. И это хорошо?

Рылеев. Мы не можем судить, хорошо или плохо. Тем более для машины.

Смотрят друг на друга и начинают хохотать.

Занавес